

КАТЕГОРИЯ ЧУДА В ПОЭЗИИ В. ШАЛАМОВА И Б. ПАСТЕРНАКА

Д. В. Кротова

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Поступила в редакцию 1 марта 2021 г.

Аннотация: в статье раскрывается особая значимость категории чуда в художественном мышлении В. Шаламова и Б. Пастернака. Прослеживаются как общность, так и принципиальные расхождения в интерпретации названной категории в творчестве обоих поэтов. Доказывается связь представлений о чуде в сознании Шаламова и Пастернака со сферой витальности как таковой, с творческими началами бытия и поэзией как их целостным выражением. Если Пастернаку присущи религиозные коннотации в понимании чудесного, то Шаламов зачастую акцентирует собственно этические смыслы. К анализу привлекаются материалы архива В. Шаламова (РГАЛИ).

Ключевые слова: Шаламов, Пастернак, поэзия XX века, категория чуда, творческий процесс, мир повседневности в литературе.

Abstract: the article reveals the special significance of the category of miracle in the artistic thinking of V. Shalamov and B. Pasternak. Both commonalities and fundamental differences in the interpretation of this category in the work of two poets are traced. The connecting of the notions of a miracle in the minds of Shalamov and Pasternak with the sphere of vitality as such, with the creative principles of being and poetry as their holistic expression is proved. If Pasternak had religious connotations in the understanding of miraculous, then Shalamov often emphasized ethical meanings themselves. The analysis involves the materials of the archive of V. Shalamov (The Russian State Archive of Literature and Arts).

Keywords: Shalamov, Pasternak, poetry of the twentieth century, category of miracle, creative process, the world of everyday life in literature.

Поэтические миры двух авторов, заявленных в теме статьи, выбраны для совместного рассмотрения отнюдь не случайно. Личность и творчество Б. Пастернака сыграли для В. Шаламова исключительно значимую роль. В записной книжке 1968 г. Шаламов отмечает: «Лучшее, что есть в русской поэзии, — это поздний Пушкин и ранний Пастернак» [1, т. 5, с. 303]. В мемуарном очерке «Пастернак» Шаламов называет столь ценимого им собеседника и корреспондента «первым лириком мира», «признанным поэтом мирового значения» [1, т. 4, с. 615]. Роль Пастернака в своем собственном художественном становлении Шаламов раскрывает в том же очерке: «Первая встреча еще в 1926 году с книгой «Сестра моя жизнь» <...> навсегда соединила мои интересы в поэзии с именем Пастернака» [1, т. 4, с. 619]. Исключительная значимость пастернаковского творчества для Шаламова подчеркивается и в свидетельствах И. П. Сиротинской: «Варлам Тихонович часто читал что-нибудь из «Сестры моей жизни» и говорил: «Какой взгляд! Я уж не знаю, как это можно, целые новые пласты втащил он в поэзию»» [2, с. 23].

Шаламов признавался, что «Пастернак задолго до нашей первой встречи был для меня больше, чем поэтом» [1, т. 4, с. 593]. «Он был совестью моего поколения, наследником Льва Толстого. Русская интел-

лигенция искала у него решения всех вопросов времени, гордилась его нравственной твердостью, его творческой силой. Я всегда считал, считаю и сейчас, что в жизни должны быть такие люди, живые люди, наши современники, которым мы могли бы верить, чей нравственный авторитет был бы безграничен. <...> Таким человеком был для меня Пастернак» [1, т. 4, с. 619]. В письме к Пастернаку (от 12 августа 1956 г.) Шаламов прямо говорит о нравственном величии любимого поэта: «Вы — честь времени. Вы — его гордость. Перед будущим наше время будет оправдываться тем, что Вы в нем жили» [1, т. 6, с. 73]. На смерть Пастернака Шаламов откликнулся стихотворным циклом, в котором почивший поэт был назван «живым Буддой», т.е. высочайшим моральным примером для своих современников и людей последующих поколений.

Именно Пастернаку послал с Колымы свои стихи Шаламов. В письме, которое Шаламов отправил вместе со своими стихотворениями, говорилось: «Это лишь скромное свидетельство моего бесконечного уважения и любви к поэту, стихами которого я жил в течение двадцати лет» [1, т. 6, с. 7]. «Шаламов был верен Пастернаку. <...> некоторые резкие характеристики — это уже было позднее, и это на самом деле не важно», — считал Евгений Пастернак, лично знавший Шаламова [3]. «Я современник Пастернака...» [4, т. 2, с. 281] — признается Шаламов в одном из своих

позднейших стихотворений, и в этих словах, высказанных незадолго до смерти, емко выражено отношение Шаламова к автору книг «Поверх барьеров» и «Сестра моя жизнь», «На ранних поездах» и «Когда разгуляется».

Исследователи, учитывая значимость творчества Пастернака для Шаламова, уже обращались к анализу тех или иных аспектов взаимодействия двух художников-современников — имеются в виду, прежде всего, работы В. В. Есипова [5], Н. Б. Ивановой [6], Е. Л. Гофмана [7]. В. Есипов сосредоточивается, главным образом, на выявлении параллелей в эстетических представлениях двух поэтов и писателей, Н. Иванова акцентирует биографический ракурс, а также останавливается на вопросе восприятия Шаламовым романа «Доктор Живаго», Е. Гофман рассматривает стихотворения Шаламова, написанные на смерть Пастернака, и размышляет о роли музыкального начала в мышлении обоих художников, о шаламовском сопротивлении «натиску небытия» [7]. В настоящей статье предлагается рассмотреть реализацию одной из категорий, принципиально значимых в творческом сознании обоих поэтов: речь идет о *категории чуда*.

В художественной системе Пастернака она играет огромную роль и получает различные формы истолкования. Прежде всего, чудом, по Пастернаку, является сам *дар существования, само благо жизни*. Поэзия Пастернака, по словам Н. А. Задуминой, — «неизменное выражение удивления и благоговения перед чудом жизни. Потому что жизнь во всех ее многообразных проявлениях есть непреходящее чудо, чья необыкновенность настолько велика, что способна исцелить любую боль» [8, 66]. Подобное представление пронизывает и лирику («Иней», «Опять весна» и мн. др.) и, не менее явно, пастернаковскую прозу, в особенности роман «Доктор Живаго», где сам «дар существования» предстает чудом, и любовь Юрия и Лары словно озарена высшими благами силами. Эта категория получает многомерное истолкование и в «Стихотворениях Юрия Живаго»: «творчество» и «чудотворство» составляют образную основу и главный смысл стихотворения «Август»; в «Чуде» и «Рождественской звезде» поэт размышляет о «механизмах» и «логике» чудесного (вернее, опровергает какие бы то ни было представления о его механизмах и логике), понимаемого прежде всего в религиозном, христианском ключе.

В поэтическом мире Шаламова роль категорий чуда и чудесного оказывается не менее значима, чем у Пастернака, а линии истолкования этих начал отчасти близки пастернаковским, хотя прослеживаются и некоторые существенные расхождения.

Шаламов считал чудом само свое возвращение с Колымы, саму свою жизнь, которая много раз могла бы оборваться — от голода, холода, болезней, побоев, непосильного труда. «Сегодня, что ни говори,

// Я с вами — и живой» [1, т. 3, с. 124], — констатирует поэт в стихотворении «Я видел все...». «Я вышел из воли мороза // В каком-то сыром декабре, // И желтые ветки мимозы // Цвели на высокой горе» [9], — эти строки можно считать своего рода метафорической картиной чудесного возвращения поэта из «ада», и не случайно в рукописи этого стихотворения (РГАЛИ) непосредственно после самого поэтического текста автор написал: «Лесная сказка» (видимо, предполагая опубликовать свое произведение именно под таким названием).

Лишь чудо, как считал Шаламов, спасло его от гибели уже после освобождения, в пути с Колымы на «материк»: блатари чуть не зарезали его, и лишь случайная ошибка — один из уголовников обозначился и решил, что перед ним «лепила» (т.е. врач), который помогал «нашим», — спасла его от верной смерти¹. И «чудо продолжало совершаться» [1, т. 1, с. 652], Шаламов возвращался с Колымы домой.

Как чудо Шаламов воспринимал и свое общение с Пастернаком. Сам любимый поэт ассоциировался у Шаламова с благами созидательными началами жизни. Не случайно в очерке «Пастернак» Шаламов признается, что во время беседы с Пастернаком «повторял про себя <...> строку из «Августа»»: «И творчество и чудотворство» [1, т. 4, с. 604].

Вспоминая день похорон Пастернака, Шаламов пишет: «Все время казалось, что чудо обязательно произойдет, что поэт воскреснет» [1, т. 4, с. 615] (Шаламов не случайно говорит именно «поэт воскреснет», а не «Пастернак воскреснет», не «человек воскреснет». Потому что поэзия — чудо, а значит и поэт может чудесным образом восстать из мертвых). Метафора чуда возникает и в стихах Шаламова, написанных на смерть Пастернака:

И ослепительное лето
Во все цвета и голоса
Гремит, не веря в смерть поэта
И твердо веря в чудеса [4, т. 2, с. 108].

В этих строках отчетливо ощутимы образные параллели с известным тютчевским стихотворением, первая строфа которого обрела значение своего рода афоризма: «Чему бы жизнь нас ни учила, // Но сердце верит в чудеса: // Есть нескудеющая сила, // Есть и нетленная краса» [10, т. 1, с. 386]. И Шаламов, и Тютчев размышляют о благих началах бытия, которые неподвластны «увяданию земному», разрушению и разложению. Смысловый параллелизм подчеркивается тождеством метрической и строфической организации процитированных стихотворений (четырёхстопный ямб с перекрестной рифмовкой). Общность приведенных текстов отнюдь не случайна, ведь Тютчев принадлежал к числу любимых поэтов автора «Колымских тетрадей». Шаламов писал:

¹ Эти события описаны В. Шаламовым в рассказе «Поезд» [1, т. 1, с. 649–657].

«Тютчев и Баратынский — вершины русской поэзии. <...> В двадцатые и тридцатые годы имена Тютчева и Баратынского едва упоминались в школьных учебниках, хотя надо бы учить каждую их строку. Мандельштам говаривал, что в личной библиотеке русского поэта не должно быть Тютчева — всякий поэт должен знать Тютчева наизусть» [1, т. 3, с. 447].

Сама поэзия связана в сознании Шаламова с жизненными началами, чудесным образом побеждающими смерть. В стихотворении «На волне реки...» (РГАЛИ) выражена вера в безграничную силу искусства: «Говорят: нельзя, // Говорят: глаза // Не видали таких чудес. // Это не — пустыки, // Тот, кто верит в стихи, // Облака тот сведет с небес» [11]. Феномен творчества Шаламов, как и Пастернак, склонен воспринимать сквозь призму категории чудесного. Такое понимание отражено, например, в стихотворении «Стучался я в калитку...». Райский сад здесь — метафорическое воплощение творчества, поэтического вдохновения. Лирический сюжет стихотворения символичен: попав в сад юношей, поэт отведал плоды, но они оказались незрелыми, и только подойдя «к той же самой цели» взрослым, он узрел и вкусил иные плоды, созревшие и спелые:

И яблоки литые
К моим ногам летят,
Как солнца золотые,
И озаряют сад [1, т. 3, с. 138].

Здесь отражена одна из важнейших идей Шаламова: о том, что творчество требует опыта, что «поэзия — дело седых» [1, т. 3, с. 389], и художественное произведение получает силу убедительности только тогда, когда автор обладает достаточным знанием жизни. Завершается это стихотворение принципиально значимым смысловым поворотом:

Лирично то, что лично,
Что пережил я сам.
Едва ли нам прилично
Не верить чудесам [1, т. 3, с. 138].

Сам факт того, что нечеловеческие испытания оказались преодолены, что поэт остался жив и может претворить выстраданный опыт в стихи, расценивалась Шаламовым как чудо. Повороты его судьбы убеждали Шаламова в том, что чудесное присутствует в жизни. Это ощущение у поэта не было окрашено какими бы то ни было мистическими оттенками, Шаламов отнюдь не был склонен к размышлениям о сфере потустороннего, о том, что лежит за чертой земного бытия, но сама по себе категория чуда как свидетельства благих онтологических начал в его художественной и мировоззренческой системе играет существенную роль. Об этом свидетельствует, например, и стихотворение «Отчего на этой даче...». Оно также посвящено размышлениям о неких чудесных началах бытия, тех, что лежат за гранью рационального истолкования. На первый взгляд, суть и законы жизни вроде бы ясны тому, кто много претерпел:

«Ведь любых чудес загадка // Решена во мгле распадка» [1, т. 3, с. 146]. Но непознаваемым началам в частном и общемировом бытии тоже есть место. Некоторые грани жизни осмыслить вне категории чуда просто невозможно. «Задача из учебника тайги», которую стремится решить лирический герой, не дается ему, если использовать только «формулы» и «знаки», и «истинное значение» бытия постигается только в том случае, если принять представления о чудесном.

В поэзии Шаламова есть и значимая грань интерпретации категории чуда, которая отсутствует у Пастернака. Речь идет об осмыслении чуда не в контексте счастья и блага, а в модальности сомнения. Шаламов порой говорит о чуде как единственном прибежище для человека, который лишен каких бы то ни было иных возможных путей спасения, — как, например, в стихотворении «Перед небом», где лирический герой «зовет на помощь чудеса» [1, т. 3, с. 72]. Но действительно ли чудеса придут ему на помощь? В этом стихотворении отражаются надежды и сомнения, но нет зачастую присутствующей у Пастернака (как, например, в стихотворении «Иней») уверенности в том, что благодатные начала бытия окажутся сильнее разрушительных². Шаламовское восприятие реальности значительно более драматично, чем у Пастернака. В анализируемом стихотворении лирический герой уподобляется Христу, но здесь возникает образ распятия, а не воскресения. Последует ли за крестной мукой торжествующее преодоление зла? Действительно ли случится чудо? В художественной системе Пастернака был бы дан утвердительный ответ, у Шаламова же вопрос остается без ответа. Вообще, Шаламову, в отличие от Пастернака, в большинстве случаев не свойственны христианские коннотации в понимании категории чуда. Шаламов не был верующим человеком, хотя религиозные образы в качестве важнейших нравственных символов нередко встречаются в его поэзии. Истинной «религией», «верой» Шаламова, по его собственному признанию, была поэзия: «Да, я верю, что именно мое искусство, моя религия, вера, мой нравственный кодекс сохраняли мою жизнь для лучших дел. Кроме бога поэзии, никому более я не благодарен за мою судьбу...» [1, т. 3, с. 473]. Об этом же Шаламов размышляет и в своих стихотворениях:

И когда б не цепь размера,
Не узда стиха,
Где б нашлась иная мера,
Чтоб моя сдержалась вера,
Убоясь греха.

² Обозначенные смыслы в стихотворении «Иней» подчеркнуты, в частности, Д. Быковым в книге «Борис Пастернак» [12].

Ведь на гиблом этом месте
Вечной мерзлоты
Мы с тобой стояли вместе,
До конца сверяя с честью
Помыслы мечты [1, т. 3, с. 178–179].

В этих строках истинным чудом и подлинной внутренней опорой предстает именно поэзия, она ограждает от «расчеловечивания», от нравственной и физической гибели.

Шаламова и Пастернака роднит важная грань интерпретации темы чуда. У обоих поэтов *чуждое зачастую оказывается явлено в быту, в ежедневной жизни, в повседневности*. Еще М. Цветаева подчеркивала исключительную значимость бытовых образов в художественной системе Пастернака: «Первое, что в круговой поруке пастернаковских первизн нас поражает: быт. Обилие его, подробность его — и: “прозаичность” его. Не только приметы дня: часа!» [13, 100]. По замечанию В. Альфонсова, у Пастернака «мир сам вбирает и втягивает человека в себя, не требуя от него взамен презрения к “малому”, повседневному» [14, 13].

Так, и в «Рождественской звезде», обращенной к событиям библейской истории, и в «Инее», описывающем современные поэту реалии, чудо открывается в обыденности человеческого существования, в контурах каждодневности. В стихотворении «Чудо» акцентируется, что вмешательство высших благих сил «настигает мгновенно, врасплох» [15, т. 3, с. 534]. Оно не требует условий, подготовки, специального антуража, оно непосредственно вторгается в жизнь и быт, не считаясь с законами природы и людскими привычками. В романе «Доктор Живаго» Пастернак размышляет о том, что таким же чудом, явленным непосредственно в реалиях обыденной жизни, стало и пришествие на землю Христа: «...пришел этот легкий и одетый в сияние, подчеркнуто человеческий, намеренно провинциальный, галилейский, и с этой минуты народы и боги прекратились и начался человек, человек-плотник, человек-пахарь, человек-пастух в стаде овец на заходе солнца, человек, ни капельки не звучащий гордо, человек, благодарно разнесенный по всем колыбельным песням матерей и по всем картинным галереям мира» [15, т. 3, с. 46]. С размышлениями Пастернака резонирует и высказанная Шаламовым в письме к автору романа «Доктор Живаго» мысль о том, что «в самом христианстве все дело в пришествии, в явлении Бога в быт» [1, т. 6, с. 38]. Сам Шаламов, как мы уже отмечали, не был верующим человеком, и религиозная проблематика не играет у него той роли, которую она играла в творчестве Пастернака. Но сближает двух поэтов представление о том, что «областью проявления» чудесного чаще всего становится именно мир обыденный, бытовой, повседневный.

В качестве чудесных явлений жизни в стихотворениях Шаламова изображается то, чего на протяжении многих лет ему катастрофически не хватало, — тепло, дом, еда. Особенно очевидно подобные смыслы раскрываются, например, в стихотворении «Исполнение желаний», где кров, пища и сама хранительница домашнего очага предстают в восприятии лирического героя истинным дивом. Связь образа чуда с миром дома и бытовой жизни непосредственно выражена и строками стихотворения Шаламова «Опять метель пойдет впрыскаду...»:

Опять метель пойдет впрыскаду
Под окна русскую плясать,
А мне опять вообразят
Домашней жизни чудеса [1, т. 3, с. 296].

Как справедливо отмечает Т. Н. Воронина, «увидеть в бытовом сверхъестественное способно не каждый, но именно такая особая чуткость дана лирическому субъекту» [16, с. 58]. Вообще, бытовые, рутинные домашние дела как область проявления чудесного — это и характерная пастернаковская тема: так, Лара, когда Юрий Живаго застает ее во время уборки или за плитой, в «прозаическом и будничном виде, растрепанная, с засученными рукавами и подоткнутым подолом» «почти пугала своей царственной, дух захватывающей притягательностью, более, чем если бы он вдруг застал ее перед выездом на бал» [15, т. 3, с. 400].

Категория чуда проецируется у обоих поэтов и на понимание творческого процесса, вдохновения, озарения. Характерное для Пастернака схождение «творчества» и «чудотворства» явственно ощущается у Шаламова. Вспомним стихотворение «Букет». «Едва живые чудеса», лежащие «в пыли дорожной», — эта метафора указывает одновременно и на предметный план содержания (цветы, неведомым образом оказавшиеся на голом горном склоне), и на символический: цветы — не что иное, как стихи, и их появление в мире «расчеловечивания», в мире, который, казалось бы, не оставляет возможности для творчества и искусства, — это поистине чудо. «Их собираю осторожно // И поднимаю — в небеса» [1, т. 3, с. 15].

С категорией чуда у обоих авторов в какой-то степени смыкается представление о принципе непреднамеренности, «случайности» в поэзии. По словам О. Седаковой, «естественность, случайность, небрежность, обмолвка — все в *Arg roetica* Пастернака противостоит “умению”, “технике”, “эрудиции”. Талантливо живут и талантливо пишут именно так: “нечаянно и наугад”» [17]. Шаламов свидетельствует, что свою знаменитую формулу «чем случайней, тем вернее // Слагаются стихи навзрыд» Пастернак «считал очень важной» [1, т. 7, с. 228]. Как утверждает Шаламов, размышляя о художественном мире Пастернака, в особенности раннего, «целый ряд стихотворений написан при свободной отдаче поэти-

ческой стихии, без вожжей, доверяясь первому варианту <...> Много творческих озарений, гениальных находок получено именно в результате свободного хода поисков нужного слова» [1, т. 7, с. 236]. Шаламов признавался, что испытывает большое доверие к подобному методу и сам нередко на него опирается: «Суть этого способа вовсе не в «модернизме» и не в «зауми», ибо все лишнее отсеется при контроле, при переписке и даже не в изрядном количестве маленьких находок, новинок, которые при работе над каждым стихотворением получают. Суть тут в доверии к самому себе. Если поэт — прибор, с помощью которого природа рассказывает о самой себе, если рифма — поисковый инструмент, то весь рабочий процесс поэта — поставлен на службу природе на “свободном ходу”. Если прибор хорош — ошибок в стихах не будет» [1, т. 5, с. 49]. В очерке «Таблица умножения для молодых поэтов» Шаламов развивает сходный круг суждений: «Поэзия — это неожиданность. Неожиданность, новизна: чувства, наблюдения, мысли, детали, ритма...» [1, т. 5, с. 11].

Таким образом, категория чуда в творчестве обоих поэтов оказывается одной из принципиально значимых. Она раскрывается на самых разных уровнях, и прежде всего — на содержательном, мировоззренческом. И у Шаламова, и у Пастернака понимание важнейших бытийных начал — таких как творчество, вдохновение, поэзия и сама жизнь — тесно сопряжено с представлением о чудесном. Хотя поэзия Шаламова несет в себе острейший болевой импульс, и художественный мир автора «Колымских тетрадей» значительно более драматичен и противоречив, нежели пастернаковский, тем не менее, именно признание неизменных благих начал бытия и представление о том, что существование как таковое заключает в себе некий потенциал чуда, пусть и понимаемого вне религиозных коннотаций, спасло Шаламова от глубинного онтологического пессимизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шаламов В. Собр. соч.: в 7 т. / В. Шаламов. — М.: Книжный Клуб Книговек, 2013.
2. Сиротинская И. П. Мой друг Варлам Шаламов / И. П. Сиротинская // Шаламов В. Собр. соч.: в 7 т. Т. 7. — М.: Книжный Клуб Книговек, 2013. — С. 9–40.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Кротова Д. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса

E-mail: da-kro@yandex.ru

3. «Шаламов был верен Пастернаку...». Интервью с Е. Б. Пастернаком. Беседовал С. М. Соловьев. / Е. Б. Пастернак. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://shalamov.ru/memo/187/> (дата обращения: 7.01.2021).

4. Шаламов В. Стихотворения и поэмы: в 2 т. / В. Шаламов. — СПб.: Изд-во Пушкинского Дома; Вита Нова, 2020.

5. Есипов В. В. Варлам Шаламов и Борис Пастернак. Искусство как подъем в высоту / В. В. Есипов // Варлам Шаламов и его современники. — Вологда: Книжное наследие, 2007. — С. 42–66.

6. Иванова Н. Б. Варлам Шаламов и Борис Пастернак: к истории одного стихотворения / Н. Б. Иванова // Знамя. — 2007. — № 9. — С. 198–207.

7. Гофман Е. Л. «Видны царапины роая...». О четырех стихотворениях Варлама Шаламова на смерть Бориса Пастернака / Е. Л. Гофман // Знамя. — 2015. — № 3. — С. 198–207.

8. Задумина Н. А. Философская проблематика поэзии Бориса Пастернака / Н. А. Задумина // Вестник АТГУ. Гуманитарные науки. — 2010. — № 2 (50). — С. 65–70.

9. Шаламов В. «Я вышел из воли мороза...» / В. Шаламов // РГАЛИ. — Ф. 2596. — Оп. 3. — Ед. хр. 8. — Л. 10.

10. Тютчев Ф. Сочинения: в 2 т. / Ф. Тютчев. — М.: Худ. лит., 1984.

11. Шаламов В. «На волне реки...» / В. Шаламов // РГАЛИ. — Ф. 2596. — Оп. 3. — Ед. хр. 1. — Л. 14 об.

12. Быков Д. Борис Пастернак / Д. Быков. — М.: Молодая гвардия, 2007. — 896 с. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://pasternak.niv.ru/pasternak/bio/bykov-pasternak-zhzh/glava-xxxiii-vals-s-chertovschinoj.htm> (дата обращения 05.01.2021).

13. Цветаева М. Световой ливень. Поэзия вечной мужественности / М. Цветаева // Пастернак Б. Pro et contra. Антология. Т. 1. — СПб.: Изд-во РХГА, 2012. — С. 96–109.

14. Альфонсов В. Н. Поэзия Бориса Пастернака / В. Н. Альфонсов. — Л.: Сов. писатель, 1990. — 368 с.

15. Пастернак Б. Собр. соч.: в 5 т. / Б. Пастернак. — М.: Худ. лит., 1990.

16. Воронина Т. Н. «Домашней жизни чудеса» в лирике В. Т. Шаламова / Т. Н. Воронина // Вестник Череповецкого государственного университета. Филологические науки. — 2017. — № 6. — С. 53–59.

17. Седакова О. «Вакансия поэта»: к поэтологии Пастернака / О. Седакова. — Режим доступа: <http://www.olgasedakova.com/Poetica/227> (дата обращения 05.01.2021).

Lomonosov Moscow State University
Krotova D. V., Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of modern Russian literature and contemporary literary process
E-mail: da-kro@yandex.ru